

Виктор Стасевич

СНЫ НА ВЕТРУ,
или
ПЛОТОЯДНОЕ
ВИНО

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

СНЫ НА ВЕТРУ, ИЛИ ПЛОТОЯДНОЕ ВИНО

(Все истории выдуманы, совпадения неслучайны)

Кучер Толстого понимал историю тоньше, нежели какой-нибудь провинциальный доктор исторических наук в эпоху развитого социализма.

Виктор Лихоносов. Светлый князь

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда –
всё молчи!..

Михаил Лермонтов

Часть I

ПУТЁМ ЗЕРНА

Всему живущему идти путём зерна.

Владислав Ходасевич. Путём зерна

У каждого события своя магия.

Герман Гессе. Игра в бисер

1

Он лежал на боку упавшей лошади, её горячее тело уже затихло, отдавая жизнь с запахом пота и домашней теплоты. Невыносимо давило грудь, не хватало воздуха, боль, острая, пронизывающая, крики, дым, скачущие тени. Вдруг Тарабаркин увидел кровь в ботфортах, его кровь, почувствовал мягкое мерцающее пламя, где-то в бедре пульсировало, булькало, нога каменела. Он дёрнулся, стало легче, воздух будто очистился, глубоко вздохнул. Вокруг разрывались снаряды, сухими хлопками, похожими на старческий кашель, застилая всё едким дымом. Перед глазами поплыли тёмные круги, потом они смешались, превратившись в мутное вязкое стекло, кто-то рядом выскочил, медленно вскидывая руки в смертельном танце. Появился гранадёр, грациозно приседая, воткнул штык в седока на каурой лошади, тот замер и картинно, как в плохом театре, откинулся, роняя саблю, тут же неспешно перед ним прошёл конь, закрывая трагическую сцену словно занавесом. Неожиданно сверху появилось лицо денщика Сапрыки,

удивительно похожего на сухопарого Костю Шансина, но только с оттопыренными ушами. Лицо денщика в страхе перекошилось, он попытался поднять Тарабаркина, но с ужасом отпрянул, смотря на свои окровавленные руки. Тогда Санька понял, он умирает, неожиданно нахлынуло душевное облегчение, небесно-светлое, очищающее, он улыбнулся, тихо подумал: «Про меня скажут, что я геройски погиб, девицы будут трагично всхлипывать, утирая слёзы кружевными платочками», и представил, как дочь полковника, с которой он помолвлен, будет принимать соболезнования, закатывая свои карие бесстыжие глазищи, обмахивая высокую грудь.

Сквозь шум, уходящий в беззвучную мглу, он услышал слова денщика:

– Ваше сиятельство, это как же... ваше сиятельство... – но Тарабаркин ему не ответил, склонил голову, последний раз вздохнул и... проснулся, засопел, завертелся на подушке, резко, с болью под сердцем ощутил, что невероятное чувство лёгкости от исполненного долга уходит, запаниковал, но было поздно.

Сквозь васильковые шторы на окне пробивались утренние лучи солнца, освещая прохладную комнату. Санька поднялся, опёрся о край кровати, посмотрел на брошенные брюки, изображавшие на полу порванного осьминога, смятую рубашку и печально прошептал:

– Ваше сиятельство.

Откинулся на подушку, потянулся, блаженно повторяя последнее слово, потом быстро поднялся, громко произнёс:

– А почему бы и нет, – после чего суетливо натянул на себя одежду, пошёл на веранду.

На облупленном подоконнике он нашёл полоску бельевой резинки, посмотрел на суетливых мух, деловито снующих по клеёнке стола, хитро ухмыльнулся, сузив свои слегка раскосые глаза, принялся вытягивать из ткани тонкие белые прожилки. Его толстые желтоватые от курева пальцы пробивала мелкая дрожь, отчего не удавалось ровно вытащить хороший кусок. Резинки нужна для охоты на мух, любимая забава ещё с детства. В то далёкое время он мог часами выхаживать по просторной тёткиной веранде, сшибать назойливых летунов. Особенно он радовался, когда удавалось сбить не сидящую на стекле, а в полёте, выписывающую виртуозные петли. Тогда казалось, что в руках у него не просто резинка, а зенитка, плюющая свистящими снарядами. А сейчас мухи нагло выхаживали по столу, роились над блюдцем с вареньем, кружились у него перед носом, норовя присесть на пушистые усы, пахнущие вчерашней селёдкой, отчего Сашка шумно фыркал, тихо костерил окружающую обстановку, поэтому не услышал, как вошла тётка, дородная Вера Павловна, в широкой кофте и длиннополой юбке грубой шерсти с кокетливой белоснежной оторочкой по краю. С укоризной посмотрев на своего племянника, она хмыкнула, поставила на стол жестяной поднос с посудой, чайником и сушками.

– Садись пить чай, охотничек. – Она поправила скатерть на столе и стала выставлять посуду. У неё было молоджавое лицо с редкими морщинками, крашенные волосы аккуратно подвязаны коротким платком. Серые глаза, наполненные добрым теплом, с умилением смотрели на племянника, на чуть подкрашенных яркой помадой губах застыла тонкая улыбка.

– Ничего не могу понять, в прошлом лихо их вытаскивал, мог до метра, а сейчас и трёх сантиметров не получается, – растерянно пробормотал Санька, бросил мятую тряпицу, с грохотом отодвинул скрипучий стул, шумно сел, с возмущением добавив, – резинки китайские, гнилые... Даже этого дерьма своего нет! Ходим в заморских трусах...

Он потерябил разноцветные усы. Раньше они были густо-чёрными, но со временем поседели, а от курева покрылись снизу доброй жёлтой бахромой. Потом пригладил короткую бородку, зажмурился, поднял чашку и шумно втянул в себя горячий чай. Говорил Сашка слегка шепелявя, словно глотая твёрдые звуки. А всё из-за того, что двух передних зубов у него не было, год назад их выбили на одном полустанке, где пьяный Тарабаркин пытался внушить группе подростков, что они ведут несправедную жизнь. Те с подозрением оглядев невесть откуда появившегося проповедника, хлопнули его по башке увесистым обломком берёзы, потом пошарили у него в карманах, сняли часы, на прощание несколько раз пнули в лицо. Саньку привели в чувство сердобольные старушки, охая и причитая, они приложили к его лбу кусок ледышки. Тогда он быстро пришёл в себя, приподнялся, нащупал пальцем в окровавленном рту шатающиеся зубы и, к ужасу старушек, вытащил их один за другим. С тех пор он так и не вставил зубы, поэтому прикрывал верхнюю губу усами, немного шепелявил, а когда был во хмелю и у него просыпался густой дар красноречия, то слова из него летели хромой вереницей, а усы вызывающе топорщились. Тогда он был похож на революционного таракана, сидящего на передней фаре легендарного петроградского броневика, – удивительно точное сравнение его друга Шансина.

У своей тётки Санька был на редкость тих, благодушен, неспешно по-барски брал сушки. Вся обстановка ему напоминала о его громком детстве, раскрашенном ярким солнцем и тенями от тёткиного забора. Он любил эту добрую женщину, заменившую ему мать, и старался почаще приезжать к ней в дачный посёлок, хоть не всегда это получалось, нередко он мог пропасть на пару-тройку лет.

– Дожились, – вновь вздохнул Тарабаркин, – раньше космос распахивали, в океан ныряли, а сейчас титановые лопаты делаем вместо ракетных двигателей, баб экспортируем в бордели мира, а сами торгуем чужими шмотками, отсвечивая голыми задницами...

– Вот именно, дожились, – сердито перебила его тётка, – у тебя уже седые волосы, залысина с добрый аэродром, дома две девки на выданье, а ты всё норовишь в погремушки поиграть. Ох, когда ты остепенишься? – Вера Павловна вздохнула, поставила рядом с племянником щербатую выцветшую тарелку с мелкими ягодами красной смородины в сахаре.

– Было время, когда я настолько остепенился, что владел банком, у меня были сотни автомобилей, пять пароходов, один самолёт. Правда он, зараза, так и не взлетел, всунули жулики без колёс, но заметь, двигатель работал справно, ревел, как бык, – Сашка плеснул чай в блюдце.

– Мне кажется, это были какие-то сказки Шахнаме, – тётка деловито раскладывала сушки на плоской тарелке.

– Шахрезады, а Шахнаме – книга царей, – он сделал глоток, блаженно, по-кошачьи, зажмурился.

– Я институтов не кончала, век медсестрой проработала в посёлке, а читать времени не было, своих трое ртов, да тебя ещё подкинули.

– Можешь сейчас наверстать упущенное, пару сериалов не посмотришь, вот тебе и стопка книг, – хитро улыбнулся Тарабаркин.

– Умник, поздно мне стопки перебирать, да и толку – ноль, лучше посмотреть красивую жизнь, своей то не было, – тяжело вздохнула тётка, – благодаря моему отцу удалось хоть училище закончить, а то бы век пробыла сторожихой. А глядя на тебя, могу сказать: толку от учёбы никакой. Вот у тебя сколько институтов?

– Три, но образование полуторное. Неполное биологическое, два неполных гуманитарных, в сумме полтора, учебку в армии можно не считать, – он дунул на обнаглевшую муху, усевшуюся на кусок сахара.

– Вот и весь сказ, – неожиданно серые глаза тётки наполнились слезами, она краем кофточки вытерла их и, уже тихо, с просительными нотками, обратилась к нему, – ты хоть меня не забываешь, а то мои охламоны забросили мать, уже как пять лет не показываются. Сколько я на них сил потратила, сколько ночей не спала. А как в школу пошли, потом в институты, на хлебе сидела, а копейку высылала, сейчас вот живу на пенсию, одна, без детей, без внуков, кукою с собакой.

Словно услышав, что речь идёт о нём, с улицы прибежал барбос, французский бульдог Барик. Он, увидев Тарабаркина, облизнулся, пустил густую слюну и, набычившись, кинулся к его штанине. Сашка с Верой Павловной одновременно закричали, но не смогли остановить напористое, пыхтящее старым паровозом животное. Тот ткнулся слюнявой мордой в ткань штанов, и от удовольствия у него внутри заурчало, словно кипящая вода в чайнике. Сашка вздёр-

нул ноги, но было поздно, смачная полоса слюны широкой полосой висела на одежде.

– Вот... – Тарабаркин не мог подобрать слов, а тётка вскочила, но бросилась не к собаке, а в дальний угол комнаты, откуда достала плюшевого медведя с одним глазом.

– Старая игрушка моей Али, – торопясь, пояснила она, – уже лет двадцать как лежала на чердаке, а тут завела Барика. Ему скучно со мной, других суку рядом нет, какая ни на есть, а забава.

Вера Павловна бросила на пол игрушку, позвала собаку. Тот немного наклонил голову, скосил глаза на брошенного медведя, насупился, ещё раз посмотрел на задранные ноги Сашки и понял, что ему тут уже ничего не выгорит. Тогда барбос, как небольшой бульдозер, развернулся, похрюкивая и деловито семеня, подбежал к игрушке. Не останавливаясь, он подмял под себя медведя и принялся старательно изображать любовь.

– Как-то странно, Вера Павловна, вы себя с сукой сравниваете, – Тарабаркин поставил ноги на пол, наклонился, пытаясь стереть отпечатки от встречи с собакой.

– Да подожди, – засуетилась тётка, сбегала на кухню, принесла оттуда мокрую тряпку, – возьми, ей лучше будет, чем рукой тереть. А про суку, что и говорить, иной раз вспомнишь молодость, да невольно не такое сравнение придёт.

В это время скомканный медведь под брюхом бульдога издал резкий звук и тоненький голосок заблажил на веранду: «Добрые соседи... добрые соседи...». Сашка уронил тряпку, посмотрел с опаской на любовный клубок на полу, потом на задумчивую тётку, а она встрепыхнулась, заметив его недоумённый

взгляд, поправила выбившийся локон из-под платка и, посмеиваясь, разъяснила:

– Медведя купили Аленьке, ей тогда было пять, он был первой музыкальной игрушкой в нашем посёлке. Моя девочка очень радовалась, да вот только недолго. Вскоре петь он перестал, игрушку забросили, потом дочка выросла, уехала, а тут я случайно его нашла. Никаких звуков он не издавал, но вот как только Барик начал с ним веселиться, игрушка вдруг запела. Представляешь, как я испугалась, но потом долго смеялась. Ох, шалун, плюшевый развратник, – непонятно к кому обратилась Вера Павловна.

– Я бы не хотел, чтобы у меня были такие добрые соседи, – поёжился Тарабаркин, – выйдешь в огород, наклонись над грядкой, а тебя неожиданно заставят спеть песню и что-нибудь с тобой сотворят.

– Ничего не понимаешь, одно слово – молодость, – тётка взяла чайник, по-сорочьи заглянула в его чашку, – тебе долить?

– Нет-нет, мне уж пора, – поднялся Тарабаркин, посмотрел на умиротворённого бульдога, оставившего наконец свою игрушку, и направился к двери. – Спасибо, тихо, хорошо у тебя, так и не уезжал бы.

– Оставайся, – всплеснула руками тётка.

– Нет, слишком хорошо, да так, что помереть хочется, поеду в город. Знаешь, – вдруг оживился Тарабаркин, – а ведь твой Барик крупный изобретатель, никому до сих пор не удавалась из эротической энергии получать электрическую. Ты, может, его на нобелевку представишь, какая-никакая, а лишняя копейка, дом поправишь.

– Да, соседи обзавидуются, дом спалят. Иди уж, советничек, – махнула она рукой, – лучше приезжай, не забывай старуху.

– Теперь я чаще буду у тебя бывать. Барик меня покори́л своим неуёмным оптимизмом и фантастической энергией. Зажигает, блохастый!

– И ничего не блохастый, я за ним присматриваю. Он славный мальй, понимает с полуслова, ласковый... за сыночка у меня.

– Заметил, как он ласкается, – неопределённо проговорил Тарабаркин, подошёл к тётке, приобнял её, ткнулся носом в шею, затем отодвинулся, ласково посмотрел в глаза, развернулся и, не говоря больше ни слова, быстро направился в сторону станции, чтобы успеть к электричке.

Он легко шагал по грунтовой дороге, заросшей по краям мелким кустарником, перепрыгивал через редкие лужи, жмурился на солнце и насвистывал мелодию песенки из старого кинофильма.

На перроне полустанка сидела одинокая женщина с корзинами, наполненными краснобокими грушами и газетами. Тарабаркин радостно забежал по ступенькам на деревянный настил, остановился около торговки и с удивлением её спросил:

– Ты чего, мать, тут одна сидишь? Торговля не ладится? Так люди только к вечеру потянутся.

Женщина хмуро посмотрела на Тарабаркина, поправила вязаную шапку, нахлилась и хрипло проговорила:

– Слушай, конь подзаборный, я тебе никакая не тётка, мы с тобой почти одних лет. Потом, я тут торгую уже два года, а если ты будешь выражаться по матушке, то я тебе последние зубы выбью...

– Угадал! – воскликнул Санька, его глаза заблестели. – Только истинно красивая женщина способна скрыть свою прелесть под шапкой, чтобы

проходящие не могли смутить её своим сальным взглядом.

– Ты чего-нибудь купишь? Или будешь скалиться? – обиделась женщина.

– Да побойся Бога, как я могу смеяться над самой женственностью, только преклонение и почитание. Вы готовы, сударыня, принять скромного труженика пера и звонкой монеты?

– Слушай, баламут, я не продажная девка, если не хочешь ничего покупать, вали дальше.

– Я готов для вас купить весь белый свет, с грушами в придачу и газетами, – Санька вытащил крупную купюру, протянул торговке, взял одну грушу, надкусил и, прикрыв глаза, вздохнул. – Словно благоухание райского сада пахнуло на меня.

Последние слова окончательно вывели торговку из себя, она оторопела, хотела ответить грубостью, но слова почему-то не клеились в знакомые фразы, способные осадить любого охальника. Женщина поднялась, посмотрела на деньги, наклонилась над ведром с грушами и потерянно спросила:

– Тебе куда груши высыпать?

– Да никуда, – в это время подъехала электричка. Сашка даже не посмотрел на неё, выдернул из рук женщины газету, взял ещё одну грушу, засунул в карман и быстро поднялся на ступеньку поезда.

– Подожди, сдачу возьми! – крикнула торговка.

– Это твоим детям, да мужу шкалик возьми, чтобы любил покрепче, – весело крикнув, Тарабаркин исчез за раздвижными дверями вагона.

– Да нет у меня ни мужа, ни детей, – тихо проговорила женщина, со злостью сунув деньги в старый кошель.

Тарабаркин сел в электричку, в вагоне было просторно. За окном пёстрой чередой мелькали деревья, кустарники, перемежаясь широкими полянами с мягкой зеленью, над ними висели облака, подпирая небесную синь. Электричка, подъезжая к переездам, надрывно гудела, скрипя тормозами, постукивая вагонной сцепкой. Под шум колёс Санька развернул газету, уныло пробежал глазами по серым статьям, шумно хмыкнул, перелистнул страницы и с интересом стал читать последнюю полосу, где густой смесью были вывалены разнокалиберные колонки с объявлениями. Его неутомимая натура требовала действий, подобные желания особенно сильно обострились, когда к нему в руки попадали деньги. В прошлом его бурная деятельность приводила к множеству проектов, нередко к пустым, но широкая натура, общительность, красноречие и магическое обаяние, приносили свои плоды. К Тарабаркину деньги текли рекой. Он в это время уверовал в свою счастливую звезду и бесшабашно кидался из стороны в сторону. В конце концов его банк прогорел, проекты превратились в труху или их перехватили ушлые компаньоны. Изредка ему возвращали долги, в своё время он их раздавал разным нуждающимся бизнесменам, многие из них быстро об этом забыли, но в невероятных случаях некоторых пробивала совесть или что-то подобное, тогда они возвращали – правда, лишь небольшую часть. Тарабаркин принимал деньги с радостью и благодарностью. Вот и сейчас к нему вернулась, словно забытая женщина из прошлых лет, солидная сумма. Это сильно беспокоило Саньку, ему нужно было срочно запустить их в дело, неважно,

что дома жена и две дочери жили почти нищенски на скромную зарплату супруги, учителя младших классов, высокую, тусклую меланхоличную женщину, в безразличном молчании переносящую выкрутасы мужа.

Пробегая по объявлениям, лихорадочно их анализируя, Тарабаркин понял, что наиболее доходным делом в это время и в этой стране было создать бордель или похоронное бюро. Бордель было привлекательней, но он боялся собственной натуры, зная, что в первый же день открытия он там поселится, да не один, а с закадычными друзьями, то есть с теми, кто всегда появлялся, когда у него заводилась лишняя копейка. Он ярко представил, какая будет славная карусель, но, к сожалению, продлится это не больше недели. Потом всё закончится, как обычно – куча счетов, долги, похмелье, могут побить те же так называемые друзья.

Вообще-то знакомых и друзей у Тарабаркина была такая тьма, что он даже не смог бы их перечислить, хотя почти всегда помнил имя каждого, нередко фамилию, но вот настоящих было немного, а если честно, то один, его однокурсник по первому институту, биолог Костя Шансин. В далёкие благодатные восьмидесятые они познакомились с ним на абитуре, при поступлении в университет. Тогда Тарабаркин перед вступительными экзаменами горевал в комнате общежития, то есть сидел на жуткой панцирной сетке кровати, кутался в простыню и подвывал старым кобелём, со страхом смотря на соседнюю кровать, на которую были свалены матрас с постельным бельём, а сверху по ним нервно ползала голодная орава клопов. Эти паразиты чувствовали горячую кровь человека, но не могли

до него добраться, Санька обмазал ножки кровати кремом с амурным названием «Бархатные ручки», поэтому наземный путь к наступлению у них был отрезан, но ночью эти бесстрашные твари заползали на потолок, выбирали место точно над Тарабаркиным и падали. Поэтому он вынужден был скинуть постель на пустующую кровать, так как ловить этих вампиров в складках ткани было безнадёжное дело, но и спать на голой сетке невыносимо, да ещё надо было отбиваться от свалившихся с потолка. К утру он обезумел от страха, усталости, отчаяния. Он понимал, что учиться и жить в таких условиях могут только безумцы. И вот когда Тарабаркин уже готов был кинуться из окна общежития на тротуар, дверь широко распахнулась, на пороге появился бородастый малый, сухопарый, длинноногий, в драной энцефалитке, с лёгким похмельем в левом глазу. Он подпирал головой дверной косяк, водил носом как гончая, и на вытянутом загорелом лице отражалось нечто такое, что заинтересовало Саньку.

В синих глазах вошедшего затаился хищный интерес при виде растрёпанного испуганного Тарабаркина. Парень спросил, показывая на кровать с клопами:

– Свободна?

– Да.

Получив ответ, бросил посреди комнаты свой рюкзак, сел на кровать, со вздохом облегчения вытащил из-за пазухи початую бутылку водки, зубами выдернул пробку, сделанную из газеты, глотнул, поморщился и протянул Саньке. К тому времени Тарабаркин ещё не пробовал водки, так, с пацанами баловался в подъездах вермутом да портвешком, но водки избегал. Тётка постоянно ею страдала, а он хоть

ерепенился, словно пойманный ёрш, так её и не попробовал. А тут понял, что отказываться не стоит, да и безумная ночь с падающими клопами его окончательно ввела в состояние прострации.

Санька взял, отхлебнул, закашлялся, постучал себя по груди, а незнакомец спокойно перехватил бутылку, заметил, не торопись, мол, глотнул ещё раз, тряхнул русой головой, после чего рухнул на кровать. Радостные клопы, как показалось Тарабаркину, кинулись на свежее тело с праздничным свинячьим повизгиванием. Санька, вдруг захмелевший, упал на голую сетку кровати и провалился в глубокий сон, наполненный жуткой цепью кошмаров.

Проснулись они почти одновременно ближе к вечеру. Тарабаркин был весь в клеточку от кроватной сетки, а неизвестный опух от укусов клопов. Под ним вся простынь была в кровавых отметинах, когда вертелся много задавил, но большинство сыто брело по своим щелям.

– Ты глянь, какая у них разнообразная популяция, – показывая на ползущих насекомых, сказал парень, – есть толстые, округлые, а есть вытянутые, как прогонистые английские поросята, яркий пример проявления высокого полиморфизма, что есть залог жизнеспособности.

– Во как! – удивился Тарабаркин, с трудом разлепляя веки.

– Костя, – парень протянул ему руку, потом, глядя ему в глаза, добавил, – Шансин, геодезист, топограф, надеюсь, в будущем биолог.

– В смысле? – не понял Санька.

– Закончил топографическое училище, поработал с геологами, теперь хочу поступить на биологический, – почесался Костя.

– Александр Тарабаркин, – представился Санька, – только вот не знаю, стоит ли мне поступать после сегодняшней ночи?

– Сомнения – признак разумности, – важно вздохнул Шансин, – пошли куда-нибудь, поедим, я мало того, что не спал двое суток, так ещё и ел всухомятку, кусочничал. Водки вот купил – думал, расслаблюсь. Кстати, маленько помогло.

С тех пор они стали неразлучными друзьями, хотя Тарабаркин в самом деле проучился лишь пару семестров, потом бросил, поступил в пединститут на исторический, также не понравилось, попытался учиться на филологическом в университете, но и там не больше двух семестров. За это время успел сходить в армию, в славный стройбат, где получил звание старшего сержанта и лопатой по голове, после чего иногда при сильном волнении резко затихал, сводя глаза к переносице. С этими достижениями он ввалился в исторический период страны под ломающимся названием «перестройка». Костя же закончил университет, поступил в исследовательский институт, где и прозябал до сего времени, гордо нося звание старшего научного сотрудника, как нищий таскает вывеску с дешёвой рекламой на улицах города.

С Шансиным они договорились встретиться в электричке, тот должен был сесть на станции Иня. Не доезжая до станции, на одном полустанке в вагон ввалилась солидная компания шумной молодёжи с гитарами, рюкзаками. За ними неожиданно вошёл художник Володя Драперович в вечном состоянии подпития и пасмурного настроения. Первым его заметил Тарабаркин, он вскочил и, перекивая молодёжь, позвал Драперовича:

– Вовк, давай сюда.

Драперович мутно посмотрел на Сашку, но, видимо, не признав, решил примоститься на сиденье рядом с дверью, однако Тарабаркин подбежал к нему, вырвал из рук увесистую авоську и, по-козлиному припрыгивая, доскакал до своего места. Художник недоумённо посмотрел на пустые руки, уголками губ хмыкнул, скривился словно от зубной боли, поднялся и направился к Саньке.

– Ты поаккуратней, – сердито заметил Драперович, садясь напротив Тарабаркина.

– Во-первых, здравствуй, – начал назидательно Санька, радуясь неожиданной встрече, – во-вторых, имей совесть, я тебя не видел уже почти два месяца, а ты мне даже руки не подал.

– И не подам, – художник мрачно посмотрел в окно, почёсывая рябое лицо, плотно сжав губы. – В последний раз ты что про меня говорил?

– Не помню, – засмеялся Тарабаркин, – я даже не помню, когда это было, а уж что говорил – недавно.

– Тогда ладно, – примирительно протянул руку Володя. – Я тебя не прощаю, а просто записываю в свою книгу недовольств, – он ткнул указательным пальцем в свою голову. – Запомни, это уже последняя страница.

– Хм, а что потом будешь делать? Новый блокнот заведёшь?

– Вот, балда, я же тебе показал, куда записываю, её, к сожалению, не поменяешь.

– Тогда сотрём часть записей в первой же рюмочной, – развеселился Санька, выставляя вперёд свою щётку усов, хитро поглядывая на растерявшегося художника.

– Что ж, вариант, – хмуро согласился тот, прислушиваясь то ли к горланящей молодёжи, то ли к перестуку колёс. – Знаешь, – есть один вопрос, вот почему меня любят собачники? Сейчас шёл по дачной улице, а на перекрёстке стояла рыжая крашенная дура с двумя бультерьерами, и вот она мне кричит, вернее, спрашивает, выкрикивая, мол, мужчина, вы кобель? Ну мне особого выбора-то нет, я и согласился, тогда она заявляет, чтобы я держался подальше, так как у неё две суки в течке. Я так и не понял, о чём это она?

– Вовк, – хитро обратился к нему Тарабаркин, – ты когда был последний раз с женщиной?

– Да, шёл бы ты... – махнул рукой Драперович. – Я тебе серьёзно.

В это время они подъехали к станции Иня и увидели Шансина, гордо вышагивающего к их вагону.

– Во, прям аист из роддома, – отметил Тарабаркин, показывая на Костю.

Художник опять скривил лицо в помятую рожу и забылся. Шансин толкнул дверь вагона, постоял немного, разглядывая пассажиров и, увидев Тарабаркина, направился к нему. Он подошёл, молча протянул руку ему, потом Драперовичу, затем протиснулся к окну, отодвинув Тарабаркина, и уселся, поглаживая потёртости на голове. Волосы давно начали покидать его, а высокий аэродромный лоб с каждым годом увеличивался в размерах. Близко посаженные глаза тонули в складках кожи, а длинный нос и широкие губы, придавали лицу важность районного чиновника, за которого его всегда принимали стражи закона.

– Ты сегодня как Драперович, но его-то понять можно, он всегда в состоянии внутреннего

созерцания, налюбоваться на свой мир не может, а вот какая муха тебя укусила?

– Лучше займи до получки, – отмахнулся Костя. – Хотя ты тоже гол как сокол, – он угрюмо стал смотреть в окно, словно пытался сосчитать мелькающие деревья.

– В этот раз ты ошибся, – Тарабаркина распирало от счастья, – я могу тебе занять и даже дать на бутылку Драперовичу.

– На две водки и одну портвейна с колбасой, на похмеле, – не выходя из состояния вечного транса подхватил Драперович.

– Как скажешь, – Тарабаркин вытащил старый портмоне, разломил его, и они увидели толстую пачку купюр. – Выбирайте, вам сколько?

– Одной хватит, – сердито выдернул бумажку Костя.

– Какие мы гордые! – запыхтел Санька. – Но я вам могу предложить одно дельце, на котором мы все сможем немного заработать.

– Нет, в твои авантюры я лезть не буду, работу в институте оставлять не хочу, – буркнул Костя.

– Подождите, сначала выслушайте. Дело непьющее, временное, но прибыльное, свои занятия можете не оставлять, но в первые дни надо будет немного попотеть. Тебе не привыкать, всё равно подрабатываешь то дворником, то сторожем, то грузчиком, в общем, как обычный российский учёный, – Тарабаркин остановил Шансина, собирающегося ему что-то возразить. – Послушай, потом откажешься, хотя я не советую, в любом случае вся тяжесть работы упадёт на мои хрупкие плечи. Итак, я проанализировал рынок и решил, что самое лучшее дело может быть связано с насущными проблемами чело-

века. А это здоровье, рождение и смерть. За здоровье мы взяться не можем, дело пустое и образование не позволяет, с рождением у нас только один аист, да и тот научный сотрудник, тоже отпадает. Остаётся смерть.

– Из меня плохой киллер, – вострепнулся Драперович, – рука дрогнет без выпивки, а если при-
му, выдам себя. По отпечаткам выдоха сразу найдут, а я хрупкий, расколуюсь, сдам вас всех с потрохами.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА